

A detailed fantasy illustration for a book cover. In the center, a young woman with brown hair and a grey crop top stands next to a tall, slender elf with long blonde hair and pointed ears. The woman's crop top has the Russian text 'В ПИТЕРЕ — ПИТЬ' (In St. Petersburg — Drink) printed on it. The elf, wearing ornate silver armor and a green cloak, holds an open, glowing book. To their left, a large, green-skinned orc with a sword and a bat-like winged creature are visible in the background. The scene is set against a dramatic, sunset-colored sky with a castle in the distance. Red roses are scattered around the edges of the image.

В ПИТЕРЕ — ПИТЬ

Анастасия Дес

МЕНЯ ПРИЗЫВАЮТ
В ДРУГОЙ МИР,
ЧТОБЫ Я СРАЖАЛАСЬ
С ОРКАМИ

Анастасия Дес

Меня призывают в другой мир, чтобы я сражалась с орками

<https://litres.ru/74015219>

SelfPub; 2026

Аннотация

Полина всего лишь хотела пережить сессию, а вместо этого оказалась в другом мире — магическим Хранителем опасно красивого эльфа. Орки, тайный контракт, ночные призывы и слишком тесная связь, от которой горит не только магия. Чем ближе они друг к другу, тем выше ставка: потерять свободу, сердце или жизнь. Главное — не сорваться первой.

Анастасия Дес

Меня призывают в другой мир, чтобы я сражалась с орками

Меня призывают в другой мир, чтобы я сражалась с орками

Романтическое юмористическое фэнтези

Расширенная авторская редакция

Глава 1. Питерская хтонь, дейлики и востоковедение

Питерский ноябрь – это не месяц. Это диагноз. Состояние души, при котором небо опускается так низко, что, кажется, вот-вот придавит тебя к асфальту, а ветер с Финского залива пробирается под любую, даже самую навороченную куртку, чтобы презрительно лизнуть позвоночник ледяным языком.

Полина с глухим стуком захлопнула за собой дверь съемной хрущевки на Васильевском острове и привалилась к ней спиной, тяжело выдыхая. С кончиков ее промокших волос капала грязная вода, а ботинки издавали тот самый мерзкий чавкающий звук, который означал, что сушить их придется как минимум до послезавтра.

– Ненавижу, – с чувством сообщила она пустому коридору.

ру, стягивая мокрый шарф.

Коридор не ответил. Только холодильник на крошечной кухне сочувственно заурчал.

Квартирка была крохотной, со старыми обоями в неопознанный цветочек, но для Полины она была настоящей крепостью. Здесь был ее личный, выстроенный по кирпичику уютный мирок, куда не проникали ни слякоть, ни строгие преподаватели с кафедры востоковедения, ни проблемы взрослой жизни.

Щелкнул выключатель, и комнату залил мягкий желтый свет. Полина первым делом потянулась к ночнику в форме пухлой звездочки. Звездочка мигнула и выдала теплое, почти волшебное сияние. Сразу стало легче дышать.

Она бросила тяжеленный рюкзак, доверху набитый распечатками, словарями и конспектами по фонетике и иероглифике, прямо на пол. Завтра зачет. От одной мысли об этом зубы сводило – преподавательница, Лидия Марковна, могла с закрытыми глазами по интонации определить, где студент недотянул тональность в китайском или проглотил гласную в японском.

Но это будет завтра. А сейчас у Полины было святое время.

Она переделалась в сухое, щелкнула чайником и, дождавшись, пока он закипит, налила кипяток в свою самую любимую кружку. Кружка была огромной, полулитровой, с изображением наглого анимешного кота, который показывал

средний палец всему миру. Идеальное отражение Полиного настроения в конце тяжелого вторника.

Забравшись с ногами на диван, она открыла ноутбук. Экран приветливо мигнул, загружая «Genshin Impact».

В ту же секунду телефон на столе завибрировал. На экране высветилось: «Лерка» и иконка голосового сообщения на целых три минуты.

Полина вздохнула, поставила скорость на «2х» и прижала динамик к уху.

«...и ты прикинь, Полин, он мне заявляет, что я слишком многого требую! – тараторил ускоренный голос подруги. – Я ему говорю: мы в кальянной "Хромой Енот" сидим второй раз за месяц, и ты даже за мой чай не можешь заплатить?! Короче, все мужики – козлы. Реально. Надо было тебя слушать. Сидели бы сейчас у тебя, играли бы в твоих этих... как их... анимешников нарисованных. Они хотя бы мозг не выносят!»

Полина хмыкнула, набирая ответное текстовое: «Я тебе говорила. 2D мужики никогда не предадут. Мой Тигнари вчера мне ресурсы для прокачки принес, а твой Олег принес только головную боль. Забей, в пятницу пойдем в "Енота", я угощаю».

Отправив сообщение, она полностью погрузилась в игру. Экран залило яркими красками Сумеру – зеленые леса, солнце, никакого пронизывающего ветра. Полина методично бегала по карте, закрывая ежедневные задания. Убить па-

рочку слаймов, собрать светящиеся грибы, сдать квест. Все просто, понятно, логично. Ударил мечом – получил урон. Выполнил задание – получил награду.

– Эх, почему в жизни нет такого интерфейса, – пробормотала она, делая большой глоток горячего чая. – И телепортов. Вышел из универа, нажал на кнопку – и ты дома, в кровати. А не вот это вот всё...

Глаза начали слипаться. Сказывались три пары подряд и недосып, накопившийся за семестр. Полина посмотрела на часы в правом нижнем углу экрана: 23:45.

Пора было закругляться. Зачет сам себя не сдаст, а спать хотелось так, что контуры комнаты начали слегка плыть. Завтра она встанет пораньше, повторит проклятые тональности и, возможно, даже успеет выпить кофе перед первой парой. Возможно. Тогда ей казалось, что самое страшное завтра – зачет по фонетике.

Глава 2. ASMR и орочий оскал

Стягивая с себя домашнюю одежду, Полина думала только о том, как бы быстрее добраться до горизонтального положения. Она натянула свою самую удобную, самую застиранную и любимую пижамную экипировку: безразмерную серую футболку с полинявшей надписью «В Питере – пить», которая доставала ей почти до середины бедра, и хлопковые трусы с принтом мишек Тедди. Лерка, когда однажды увидела этот «комплект соблазнительницы», ржала минут десять,

заявив, что в таком виде Полина гарантированно защищена от любых посягательств противоположного пола.

– Комфорт превыше всего, – философски парировала тогда Полина. И сейчас, ныряя под тяжелое, пухлое одеяло, она лишний раз убедилась в своей правоте.

В комнате было прохладно – батареи в хрущевке грели так, словно делали одолжение. Полина свернулась калачиком, подтянув колени к груди. Ночник-звездочка бросал на потолок мягкие блики.

Она дотянулась до телефона, проверила будильник – 6:30. Жестоко. Бесчеловечно.

Чтобы заглушить завывания реального питерского ветра за окном, она вставила в уши беспроводные наушники и открыла любимое приложение. За окном хлестал мерзкий, косяй дождь со снегом, но засыпать в тишине Полина не умела. Ей нужен был «правильный» дождь. Она выбрала трек «ASMR: Летний ливень в бамбуковом лесу».

В ушах зашуршало, мягкие капли застучали по воображаемым листьям. Звук был объемным, обволакивающим. Мышцы наконец-то расслабились. Тревоги по поводу завтрашней фонетики начали медленно растворяться в теплой дремоте.

Полина закрыла глаза, проваливаясь в сон.

Сон пришел быстро, но какой-то странный. Обычно ей снились обрывки лекций, конспекты, которые невозможно прочитать, или дурацкие лабиринты метро. Сегодня подсо-

знание, видимо, решило скомпилировать последние впечатления перед сном.

Она снова была в игре. Бежала по ярко-зеленой траве, под ногами хрустели цветы. Только почему-то графика стала пугающе реалистичной. Она чувствовала, как травинки щеко-чут голые пятки.

«Странно, – подумала Полина во сне. – Почему я босиком? Где мои сапоги на +20 к защите?»

Впереди замаячил стандартный ежедневный квест. Обычный лагерь хиличурлов или кучка слаймов – идеальная цель, чтобы быстро раскидать их заклинаниями и пойти дальше. Полина ускорила шаг, готовясь кастовать магию, но тут пространство перед ней странно дрогнуло, пошло рябью, как перегретый асфальт.

В нос ударил запах. Резкий, тошнотворный. Так не пахнет в игре. Так пахнет немытое неделями тело, гниющее мясо, ржавое железо и... навоз. Обычный, деревенский навоз.

Полина остановилась. ASMR-дождь в ушах вдруг сменился тяжелым, влажным дыханием.

Из-за кустов, ломая толстые ветки, как спички, вывалилось это.

Никаких милых слаймов. Никаких мультяшных монстриков с забавными голосами. Перед ней возвышалась гора литых, бугристых мышц серо-зеленого цвета. Ростом метра под три. На существе были намотаны какие-то вонючие шкуры, а в огромной лапище, размером с Полинин чемодан, оно сжи-

мало зазубренную секиру, с которой капала темная, густая жидкость.

Монстр повернул к ней массивную голову. Нижняя челюсть выдавалась вперед, открывая вид на желтые, кривые клыки, между которыми застряли ошметки чего-то подозрительно напоминающего сырое мясо.

Маленькие, налитые кровью глазки сфокусировались на Полине.

Она хотела закричать, попыталась сделать шаг назад, но ноги налились свинцом. Это был сонный паралич, не иначе! Нужно просто проснуться! Просто открыть глаза!

Орк (а ее мозг филолога четко классифицировал эту тварь именно так) не стал рычать или бить себя в грудь, как это делали бы монстры в кино. Он просто открыл свою кошмарную пасть и... рассмеялся.

Это был булькающий, рокочущий звук, от которого завибрировала земля под ногами Полины. Смех, полный абсолютного, первобытного презрения к мелкой добыче, стоящей перед ним.

Земля. Она слишком реалистично дрожала. И ветер, который обдувал ее голые ноги, был настоящим. Он не пах Питером. Он пах хвоей, кровью и чужим миром.

Полина зажмурилась так сильно, что перед глазами поплыли цветные круги. «Проснись, проснись, проснись!» – мысленно заорала она.

А потом кто-то больно, до синяков, схватил ее за плечо,

и над ухом раздался отчаянный мужской крик на языке, которого она никогда в жизни не слышала, но почему-то мгновенно поняла:

– Во имя Света, убей его! Убей его немедленно!

Глава 3. Призыв лицом в грязь

Полина распахнула глаза.

Мир не исчез. Питерская хрущевка не материализовалась вокруг неё, а звук дождя в наушниках сменился реальным, тяжелым хлопанием. Она стояла по щиколотку в холодной, липкой жиже. И это был не асфальт. Это была самая настоящая грязь, пахнувшая перегноем и сыростью.

Холодный ветер тут же бесцеремонно забрался под тонкую футболку с надписью «В Питере – пить». Полина вздрогнула всем телом, чувствуя, как кожа покрывается мурашками. Но самым ужасным было не это.

Она посмотрела вниз.

Её белые трусы с розовыми мишками Тедди ярко сияли на фоне серо-бурой земли. Огромные лапы орка, стоящего в пяти метрах от неё, были в два раза больше всей Полины, но именно её нижнее белье сейчас казалось самым нелепым объектом в этом радиусе.

– Что... – голос Полины сорвался на сиплый шепот. – Что за косплей-фестиваль в Шушарах?

– Убей его! – снова завопили справа.

Полина резко обернулась. Рядом с ней, вжимаясь в ка-

кой-то обломок скалы, сидел парень. На вид ему было чуть за двадцать – если, конечно, у эльфов возраст считается так же. Тонкие черты лица, испуганные светлые глаза и длинные, серебристо-платиновые волосы, в которых запутались сухие листья. На нём была некогда дорогая темно-зеленая мантия, сейчас безнадежно испачканная и разорванная на плече.

Он судорожно сжимал в руках дрожащий свиток, от которого исходило слабое синеватое свечение.

– Убей его, великий Герой! – простонал эльф, глядя на Полину с надеждой, которая на глазах сменялась ужасом. – Почему ты... почему на тебе только нижние облачения?! Где твой доспех?! Где твой меч?!

– Ты кто такой?! – Полина прикрыла грудь руками, хотя футболка была достаточно длинной. – Какого черта тут происходит?! Где моя кровать?!

Орк снова заржал. Это был звук, похожий на скрежет металла по камню. Он сделал шаг вперед, и земля ощутимо качнулась. Тварь явно забавлялась. Он посмотрел на эльфа, потом на Полину, задержав взгляд на мишках Тедди, и выдал длинную тираду на грубом, гортанном языке.

Эльф побледнел еще сильнее.

– Он говорит... – прошептал ушастый, – он говорит, что эльфы совсем отчаялись, раз призывают на битву домашних эльфийских самок в ритуальных трусах.

– Самок?! – взвилась Полина. – Домашних?! Слышь ты,

Шрек недоделанный!

Глава 4. Яблоко раздора и уязвленная гордость

– Герой, делай что-нибудь! – Эльф вскочил на ноги и попытался спрятаться за спину Полины. Учítывая, что она была на голову ниже его и вдвое уже в плечах, выглядело это жалко. – Ты же должна обладать магией! Ты из другого мира! Сокруши его небесным пламенем!

– У меня из небесного пламени только зажигалка в кармане куртки, которая осталась в ПИТЕРЕ! – заорала Полина, окончательно теряя самообладание. – Я студентка-востоковед! Я могу перевести тебе «привет» на три языка и сварить кофе из пыли, но я не убиваю трехметровых мутантов!

Орк, решив, что шоу затянулось, поднял свою секиру. Лезвие хищно блеснуло в тусклом свете чужого солнца.

– Ну всё, – выдохнул эльф, закрывая глаза. – Нам конец. Моя карьера Архимага Войны закончилась, не успев начаться. Меня сожрет орк вместе с девицей в медведях.

Полина почувствовала, как внутри закипает чисто питерская ярость – та самая, что рождается в очереди в поликлинику или в переполненном вагоне метро в час пик. Страх внезапно отступил, вытесненный абсурдностью ситуации.

– Значит так, – она нагнулась, нащупывая в грязи что-то твердое. – Я сегодня три часа ехала с Парнаса на Ваську. Я промокла, я хочу спать, и у меня завтра зачет у Лидии Марковны!

Её пальцы сомкнулись на огрызке какого-то местного плода – твердом, тяжелом и подозрительно пахнущем кислятиной.

Орк сделал замах.

– ПОШЕЛ В ЖОПУ! – рывкнула Полина и с силой, в которую вложила всю ненависть к системе образования и климату Ленинградской области, швырнула огрызок.

Снаряд прилетел точно в цель. Прямо в переносицу серо-зеленому гиганту.

Орк замер. Его глаза сошлись к переносице. Он медленно опустил секиру и потрогал место удара огромным пальцем. На морде твари отразилось такое глубокое, искреннее недоумение, будто его только что оскорбил не человек, а комнатное растение.

– Гы? – выдал орк.

– Что «гы»?! – Полина наступала на него, шлепая босыми ногами по лужам. – Ты видел, какая тут погода?! Я в тапках не бегаю, ты чё, больной?! Уходи отсюда, пока я второй не нашла!

Орк посмотрел на Полину. Потом на дрожащего эльфа. Потом снова на Полину. В его маленьком мозгу явно происходил сложный вычислительный процесс. В итоге он пришел к выводу, что связываться с сумасшедшей голой женщиной, которая не боится смерти, – плохая примета.

Тварь шумно сплюнула под ноги, что-то буркнула (Полина была уверена, что это было «ну и дура») и, развернув-

шись, не спеша побрела в сторону леса, помахивая секирой.

В поле воцарилась тишина, прерываемая только свистом ветра.

Эльф медленно открыл один глаз. Потом второй.

– Ты... ты его прогнала? Огрызком?

– Я его морально уничтожила, – буркнула Полина, чувствуя, как адреналин уходит, а на его место возвращается дикий холод. – Так, ушастый. Теперь слушай меня внимательно. Либо ты сейчас возвращаешь меня в хрущевку, либо я проверю, насколько прочна твоя челюсть по сравнению с тем огрызком.

Эльф посмотрел на неё с ужасом и благоговением.

– Я... я не могу. Контракт Кровавого Найма уже активирован.

И тут мир вокруг Полины начал стремительно бледнеть, превращаясь в белый шум.

– Эй! Стой! – закричала она, хватаясь за пустоту. – Какой контракт?! Верни...

Шлепок.

Полина подскочила на кровати. Сердце колотилось в горле. В ушах всё ещё шуршал ASMR-дождь. В комнате было темно, только звездочка-ночник едва светила.

– Приснится же... – прошептала она, вытирая пот со лба. Она откинула одеяло и замерла. Её ноги по щиколотку

были измазаны в свежей, пахнущей навозом и сырым лесом грязи. А на полу, рядом с ноутбуком, лежал раздавленный огрызок странного синего яблока.

Глава 5. Синий огрызок и когнитивный диссонанс

Полина сидела на краю кровати, не шевелясь и боясь даже моргнуть. В голове набатом стучала одна-единственная мысль: «Это не галлюцинация. Галлюцинации не оставляют после себя запах навоза в однокомнатной квартире на Васильевском».

Она медленно, словно опасаясь, что ноги рассыпаются в прах, подтянула ступни повыше. Грязь была настоящей. Темная, жирная, она уже успела немного подсохнуть на пальцах, стягивая кожу. А синий огрызок на полу... он выглядел как нечто, выпавшее из дешевого фильма про пришельцев, но пах при этом совершенно земной, ядреной кислятиной.

– Так, Поля, выдыхай, – прошептала она себе под нос, обхватывая плечи руками. – Вариант «А»: ты сошла с ума. Переутомление, сессия, востоковедение – мозг просто решил, что иероглифы это скучно, и выдал спецэффекты. Вариант «Б»: Лерка подсыпала тебе в вейп какую-то дичь. Вариант «В»...

Она посмотрела на огрызок. Вариант «В» предполагал существование ушастых дегенератов в мантиях и трехметровых качков с секирами. И этот вариант пугал больше всего,

потому что он означал, что её уютный мирок с аниме-котами и доставкой самоката больше не в безопасности.

Часы на телефоне безжалостно показали 06:45. Будильник, который она завела с вечера, начал надрывно исполнять вступительные титры из «Наруто».

– Заткнись, – Полина швырнула подушку в телефон. Музыка приглушилась, но не стихла.

Нужно было что-то делать. Не потому, что Полина уже всё поняла, а потому, что если сейчас просто сидеть и смотреть на огрызок, можно очень быстро превратиться в мебель. Одно она знала наверняка: Лидия Марковна не примет оправдание «извините, я сражалась с орком, поэтому не выучила задненёбные согласные».

* * *

Глава 6. Банка с уликами и расписание катастроф

Через несколько минут, когда первый ступор немного отпустил, Полина заставила себя дышать ровно, как на физкультуре, когда нужно было пробежать норматив и не умереть у финиша. На счёт четыре – вдох, на счёт четыре – выдох. Не помогало. Внутри всё равно колотилось одно и то же: это было не во сне, это было не во сне, это было не во сне.

Она взяла телефон. Время – 06:47. Уведомления сыпались как из рога изобилия: скидка на суши, напоминание о паре, Леркино «ты жива?», пропущенный звонок от мамы, новость от университета о переносе семинара на следующую

неделю. Мир вел себя так, будто ничего не произошло. Будто никакой орк не смотрел на нее маленькими кровавыми глазками, а эльф в грязной мантии не называл ее Героем в ритуальных трусах.

От этой нормальности стало даже страшнее.

Полина включила камеру и сфотографировала ноги, грязный след на полу и банку из-под чипсов, куда убрала огрызок. Потом сделала еще одно фото – крупным планом, чтобы было видно странный синий оттенок мякоти. Руки дрожали, кадры получались смазанными. Она заставила себя переснять их еще раз.

– Доказательная база, – пробормотала она. – Если я окончательно поеду кукухой, хотя бы красиво.

Следующие десять минут она провела в позе очень нервного следователя из дешевого детектива. Достала старую тетрадь по корейскому, вырвала первую исписанную страницу и на чистом листе сверху вывела:

«Если меня реально призвали в другой мир, что известно на данный момент».

Ниже пунктами:

1. Орк был настоящий.
2. Ушастый тоже настоящий.
3. Грязь переносится между мирами.

4. Огрызок тоже.

5. Призывают почему-то ночью.

6. Никакой брони мне не выдали.

7. Возможно, я в опасности.

Она подумала и добавила восьмой пункт:

8. Никому нельзя рассказывать, потому что меня сдадут в дурку быстрее, чем я скажу «магический контракт».

На девятом пункте она зависла.

Что, если повторится? Что, если следующий раз будет не ночью? Что, если она окажется в том мире посреди пары, в метро, в туалете университета, в очереди за кофе, в момент, когда будет переходить Невский на красный? Мысль о том, что невидимая леска может в любой момент выдернуть ее из собственного мира, заставила желудок сжаться.

Полина поднялась и с неожиданной злостью распахнула шкаф. На самой верхней полке лежал небольшой туристический фонарик, купленный еще в прошлом году перед дурацкой поездкой на базу отдыха. Она сунула его в сумку. Туда же – запасные носки. Потом влажные салфетки. Потом маленькую бутылку воды. Потом еще один шоколадный батончик. Движения становились увереннее. Если она ничего не понимает, это не повод быть без снаряжения.

На кухне чайник закипал лениво, как уставший пенсио-

нер. Полина прислонилась бедром к столешнице и открыла поисковик. Пальцы сами набрали: «синее яблоко светится после сна причины». Потом: «грязь на ногах после кошмара медицина». Потом: «сонный паралич перенос предметов галлюцинации». Интернет честно предложил ей тревожное расстройство, паразитов, невроз, эзотерический форум и три статьи о дефиците магния.

– Спасибо, – мрачно сказала Полина. – Очень помог.

Телефон завибрировал. Лерка.

Полина уставилась на экран, как на взрывчатку. Не ответить – странно. Ответить – еще страннее, потому что от нее действительно пахло навозом, а объяснение «меня ночью вызвали в орочий лес» пока не проходило даже у нее самой.

Она нажала на зеленую трубку.

– Ты жива? – с ходу гаркнула Лерка. – Я тебе с ночи пишу, а ты молчишь. Ты что, реально уснула в наушниках и утонула в своем азиатском дожде?

– Жива, – выдавила Полина.

– Голос у тебя как у человека, которого ночью таскали по карьере в мешке.

«Почти», – подумала Полина.

– Не выпалась просто.

– Ты на зачет придешь?

– Приду.

– Точно? Потому что если ты опять решишь устроить драму и пропасть, я тебя сама из-под земли выкопаю. И, кстати,

я серьезно: от тебя вчера в унике пахло так, будто ты кого-то закопала. Ты во что влипла, Полин?

Полина села за стол и машинально обхватила ладонью горячую кружку.

– Ни во что, – сказала она слишком быстро. – Просто дурной сон.

На том конце повисла пауза. Лерка, в отличие от многих, умела слышать не слова, а то, что между ними.

– Ладно, – медленно произнесла подруга. – Тогда так. Я тебя не прессую. Но если у тебя реально что-то случилось, и ты вместо того, чтобы позвонить, начнешь героически страдать одна, я тебя убью. Потом пожалею, но сначала убью.

У Полины неожиданно защемило в носу. На фоне орков, эльфов и мокрой грязи эта грубоватая, земная Леркина забота ударила сильнее любой мистики.

– Принято, – тихо сказала она.

– Вот и хорошо. И умоляю, приди сегодня не с выражением лица «я видела бездну, и бездна была в трусах». Лидия Марковна сожрет.

Звонок оборвался. Полина еще минуту сидела неподвижно, глядя на собственный список. Потом жирно дописала десятый пункт:

10. Лерка слишком умная. Осторожнее.

Она выпила кофе залпом, поморщилась и посмотрела на банку из-под чипсов. Огрызок внутри действительно слегка светился. Не киношным сиянием, а так, будто в его волокнах

застрял холодный, больной сумрак. Полина накрыла банку полотенцем. Ей не нравилось, что этот кусок чужого мира так спокойно лежит у нее на кухне, рядом с солью, гречкой и скидочной упаковкой макарон.

Перед выходом она еще раз открыла тетрадь и дописала внизу, уже мельче, совсем другим почерком:

Если это не психоз, то придется учиться жить сразу в двух реальностях.

И ниже, после короткой паузы:

А если психоз – то тоже придется.

Она сунула тетрадь в рюкзак, надела куртку и замерла у двери. Рука легла на замок, но взгляд невольно скользнул к кровати, к смятому одеялу, к ночнику-звездочке, к своему маленькому, унылому, но понятному миру.

– Только попробуй сегодня еще раз, – сказала Полина неизвестно кому – эльфу, контракту, оркам, судьбе или собственной нервной системе. – И я начну брать с вас по двойному тарифу.

Питер за дверью встретил ее серым воздухом и тем самым влажным холодом, от которого кажется, будто в легкие кто-то насыпал битого стекла. Полина натянула шарф повыше и пошла к метро, чувствуя на плече тяжесть рюкзака. В нем лежали фонарик, батончик, ножик, влажные салфетки, вода и тетрадь с кривым списком правил.

Это было смехотворно мало.

Но с чего-то надо было начинать.

Глава 7. Фонетика и разрыв пространства

Университетские коридоры пахли старым деревом, библиотечной пылью и дешевым кофе из автомата. Полина сидела на задней парте в аудитории №402. Лидия Марковна, женщина возраста «неопределенное величество» с пучком волос, затянутым так туго, что её брови всегда казались удивленными, монотонно диктовала материал.

– Обратите внимание на лабиализацию, – вещала она, постукивая мелом по доске. – В старояпонском этот звук имел совершенно иную артикуляционную окраску...

Полина честно пыталась записывать. Она вывела в тетради заголовок «Фонетические изменения», а потом... рука сама собой нарисовала длинное острое ухо.

Рядом сидела Лерка. Она выглядела так, будто вчерашняя кальянная «Хромой Енот» всё-таки победила её здравый смысл. Подруга периодически прикладывалась к бутылке с водой и мученически вздыхала.

– Псс, Поль, – прошептала Лерка, не поворачивая головы. – У тебя есть «Нурофен»? Кажется, я умираю. Мой мозг сейчас совершит сеппуку прямо на этот конспект.

– В сумке поройся, в боковом кармане, – так же тихо ответила Полина, не отрывая взгляда от доски.

– Ты какая-то странная сегодня, – Лерка всё-таки покосилась на неё. – Бледная, как поганка. И... от тебя навозом несет? Нет, серьезно, ты в конюшне ночевала?

Полина похолодела.

– Это... это новые духи. «Осенний Питер», нишевая парфюмерия. Запах земли, тлена и безысходности.

– Жестко, – оценила Лерка. – Больше не брызгайся.

Лидия Марковна тем временем перешла к практической части.

– Кузнецова, – голос преподавательницы прозвучал как выстрел. Полина вздрогнула. – Извольте продемонстрировать произношение ряда «ка-ки-ку-ке-ко» с учетом восходящего тона.

Полина медленно встала. Горло пересохло. Она открыла рот, чтобы произнести проклятое «ка», но в этот момент звук в аудитории вдруг исчез. Совсем.

Это было похоже на то, как если бы кто-то нажал кнопку «Mute» на пульте управления реальностью. Лидия Марковна продолжала открывать рот, мел замер в её руке, Лерка застыла с таблеткой «Нурофена» у самого рта.

А потом Полина увидела это.

Прямо посреди аудитории, между пальцами, воздух начал закручиваться в тугую спираль. Появились искры – ядовито-зеленые, кусачие. Они пахли озоном и горелой проводкой. Пространство начало рваться, как старая ткань, обнажая за собой не черноту космоса, а ослепительно-синее небо и верхушки каких-то невозможных, гигантских сосен.

– Опять? – только и успела выдохнуть Полина. – Опять?! Сейчас же пара! У меня зачет через двадцать минут!

Она инстинктивно схватилась за край парты, но дерево под пальцами стало мягким, как вата. Её тело вдруг потеряло вес. Она видела, как Лерка медленно, словно в замедленной съемке, поворачивает голову в сторону искрящегося портала, как её глаза расширяются...

И тут Полину рвануло вперед.

Это было не похоже на полет. Скорее на то, что тебя за-
пахали в пылесос, предварительно вывернув наизнанку. Секунда абсолютного хаоса, шума и холода – и вот она уже падает.

Удар был жестким. Она приземлилась не в грязь, слава богу, а на что-то твердое и гладкое. Послышался звон бьющегося стекла и приглушенный мат.

Полина открыла глаза и обнаружила, что сидит на массивном дубовом столе, заваленном свитками, колбами и какими-то сушеными лапами. Прямо перед её носом валялись осколки флакона с ярко-розовой жидкостью, которая шипела и прожигала в дереве дырочки.

– О Светлые Леса... – раздался знакомый голос. – Снова вы. И снова в этих... странных панталонах.

Полина медленно повернула голову.

Элрион. Тот самый эльф из «сна». Только теперь он не сидел в грязи, а стоял в помещении, которое больше всего напоминало кабинет безумного профессора-алхимика. На нем

была чистая мантия, волосы были аккуратно зачесаны назад, но под глазами залегли такие же тени, как и у самой Полины. В руках он держал обломок того самого свитка.

– Ты! – Полина спрыгнула со стола. На ней были джинсы, кроссовки и та самая сумка через плечо. Она выглядела максимально неуместно среди каменных стен и магических артефактов. – Ты хоть понимаешь, что ты натворил?! Ты меня с пары выдернул! У меня там Лидия Марковна! У меня там зачет! Ты понимаешь, что меня отчислят?!

Она наступала на него, размахивая тетрадкой по фонетике. Элрион пятился, пока не уперся спиной в книжный шкаф.

– Послушайте, Герой... или как вас там... – он выставил перед собой ладони. – Я не выбирал время! Ритуал Кровавого Найма срабатывает тогда, когда магические потоки между мирами входят в резонанс! Я просто хотел... я просто хотел изучить свиток!

– Изучить он хотел! – Полина ткнула его пальцем в грудь. Грудь была твердой, совсем не похожей на хилую книжную душу. – Верни меня назад! Сейчас же! Нажми кнопку «Отмена»!

– Нет никакой кнопки! – сорвался на крик эльф. – Контракт привязал твою душу к моему магическому источнику! Ты теперь мой Хранитель!

– Чего? – Полина осеклась. – Какой еще Хранитель?

– Хранитель Очага, – упавшим голосом произнес Элрион,

сползая по шкафу на пол. Он обхватил голову руками. – Моя магия... она сломана. Из-за ошибки в руне призыва я получил не великого воина, а «бытового защитника». Согласно правилам, ты должна защищать мой дом, готовить пищу из магических ингредиентов и оберегать мой покой. Но вместо этого... – он горько усмехнулся, – вместо этого ты кидаешься яблоками в орков и орешь на меня.

Полина замерла, переваривая информацию.

– То есть... я теперь твоя магическая домохозяйка? Из другого измерения?

– Вроде того, – Элрион поднял на неё глаза. – И пока контракт не будет выполнен или расторгнут – а это почти невозможно – ты будешь появляться здесь каждый раз, когда мне угрожает опасность или когда мой источник требует твоей стабилизации.

Полина посмотрела на свою тетрадку. Потом на эльфа. Потом на шипящую розовую лужу на столе.

– Значит так, Ушастый. Если я застряла в этом твоём сериале, то у меня есть условия.

– Условия? У Героя? – Элрион недоуменно моргнул.

– У Хранителя, – поправила его Полина, решительно выживая из сумки пауэрбанк. – Во-первых, ты купишь мне нормальную обувь. Во-вторых, ты объяснишь мне, как работает эта твоя магия, потому что я не собираюсь подыхать в

трусах с медведями. И в-третьих... – она сделала паузу, глядя на пустую каменную чашу на столе. – Мне нужен чай. Настоящий. С чабрецом. И если у тебя его нет, я сделаю с твоей мантией то же самое, что сделала с тем орком. Понял?

Элрион сглотнул и медленно кивнул. Кажется, он начал понимать, что Архимаг Войны 5-го ранга был бы гораздо более спокойным приобретением.

Глава 8. Контракт на крови и матерный эльфийский

Элрион сидел на полу, привалившись спиной к стеллажу, с которого угрожающе свисал хвост какой-то сушеной рептилии. Он выглядел так, будто его только что переехал трамвай – причем не обычный, а магический, курсирующий между измерениями.

Полина, напротив, чувствовала странный прилив энергии. Возможно, это был адреналин, а возможно – те самые «магические потоки», о которых бормотал этот ушастый недотепа. Она поправила лямку сумки и обвела взглядом кабинет. Стены из грубого камня, узкие окна-бойницы, сквозь которые пробивался странный, слишком яркий для Питера свет, и бесконечные полки с книгами, пахнущими кожей и очень старым временем.

– Итак, – Полина сложила руки на груди. – Давай по пунктам. Как ты понимаешь, что я говорю? И почему я понимаю тебя? Я, конечно, учусь на востоковеда, но эльфийский в программу пока не входил.

Элрион поднял голову, его длинные пальцы нервно перебирали край мантии.

– Это Кровавый Найм, – тихо сказал он. – Ритуал связывает не только наши тела, но и разум. Свиток... он выкачал из твоей памяти структуру языка и наложил её на мой речевой аппарат. И наоборот. По сути, я сейчас говорю на твоём наречии, просто с сильным магическим искажением.

– Понятно, – хмыкнула Полина. – Лингвистический вирус. Удобно. А почему ты иногда вставляешь такие слова, от которых у моей Лидии Марковны случился бы инфаркт?

Элрион слегка покраснел – кончики его острых ушей стали нежно-розовыми.

– Свиток призывает ищет в твоём подсознании самые эмоционально окрашенные пласты лексики для «быстрого установления контакта». Видимо, у тебя в голове... очень много слов, связанных с гневом и разочарованием в жизни.

– Это называется «Питерский культурный слой», – отрезала Полина. – Ладно, проехали. Давай про контракт. Ты сказал, я твой «Хранитель Очага». Это что, официально значит, что я должна тебе борщи варить, пока ты тут миры спасаешь?

Элрион тяжело вздохнул и поднялся на ноги, отряхивая мантию. Он был высоким – головы на полторы выше Полины, – но какой-то... хрупкий. Словно сделанный из тонкого

фарфора, который может треснуть от резкого окрика.

– Не совсем. В древних трактатах Хранитель Очага – это тот, кто стабилизирует магическое поле мага. Ты – мой якорь. Пока ты рядом, моя магия не выжигает меня изнутри. Ошибка в ритуале превратила боевой призыв в... бытовой симбиоз. Я обязан снабжать тебя маной, чтобы ты не развлялась между мирами, а ты... – он замялся, – ты должна оберегать мой покой.

– Значит так, Якорь, – Полина подошла к нему почти вплотную. – О покое забудь. У меня сессия. У меня личная жизнь, которой и так нет, а теперь её еще и эльфы воруют. Ты сказал, что платишь мне маной?

– Да. Это чистая энергия. Для тебя она будет ощущаться как... ну, как очень крепкий кофе или чувство абсолютного здоровья.

– Деньгами бери, – Полина протянула ладонь. – Или золотом. У вас же тут есть золото? Я должна как-то окупать свои пропуски в универе. Если меня отчислят, я приду сюда на ПМЖ, и поверь, твой «очаг» превратится в адское пламя через неделю.

Элрион посмотрел на её ладонь с искренним недоумением.

– Золото? Это просто металл для чеканки подков. Настоящая валюта здесь – кристаллы маны и услуги. Но... если тебе так важно, я найду какие-нибудь монеты в старом сун-

дуке деда.

– Договорились. А теперь – чай. И не вздумай подсовывать мне свою магическую бурду.

* * *

Глава 9. Чайная церемония в условиях магического апокалипсиса

Кухня в доме Элриона (который на поверку оказался не башней, а скорее уютным, но запущенным каменным коттеджем на окраине какого-то леса) выглядела так, будто здесь не ели со времен сотворения мира. Огромный очаг, закопченные котлы и пучки трав, свисающие с потолка.

– Это чертополох, – Элрион с гордостью указал на пучок колючей сушеной травы. – Отлично прочищает каналы ма-ны и вызывает легкие галлюцинации в виде розовых единорогов. Очень популярно на эльфийских приемах.

Полина брезгливо отодвинула чертополох мизинцем.

– Единорогов оставь себе. У меня от жизни в России галлюцинаций хватает.

Она по-хозяйски открыла свою сумку. Внутри, среди учебников и косметички, лежал заветный пакетик – она всегда таскала с собой пару саше хорошего чая с чабрецом и мятой, потому что университетская столовая подавала исключительно жидкость цвета «уставшего кирпича».

– Смотри и учись, Ушастый, – Полина нашла чистый ко-

телок. – Вода есть?

Элрион щелкнул пальцами. Из воздуха соткалась струйка кристально чистой воды и заполнила емкость. Полина даже не вздрогнула. После трехметрового орка бесконечный кран из пустоты казался вполне логичной бытовой опцией.

– Огонь? – спросила она.

Элрион снова щелкнул пальцами. В очаге вспыхнуло ровное синее пламя.

– Оно не коптит, – пояснил он, немного приободрившись. – Высшая магия стихий.

– Для чая пойдет, – Полина дождалась закипания, бросила пакетик и добавила туда пару листиков мяты из своих запасов.

Через пару минут по кухне поплыл аромат – густой, домашний, уютный. Элрион потянул носом, и в его глазах появилось странное выражение. Он смотрел на обычный пластиковый пакетик чая на ниточке так, словно это был великий артефакт древности.

– Что это? – прошептал он. – Запах... он не магический. Он... теплый. Как воспоминание о лете, которого никогда не было.

– Это называется «Гринфилд», базовая магия моего мира, – Полина налила чай в две глиняные кружки, которые нашла на полке. – Пей. И рассказывай про обувь. Я не могу ходить по твоему Средневековью в кроссовках «Адидас». Они белые, их потом не отмоешь.

Элрион осторожно отхлебнул, обжегся, смешно сморщил нос, но кружку не поставил.

– В моем мире... – он замолчал, пробуя вкус на языке. – В моем мире всё слишком... функциональное. Магия дает силу, но забирает вкус. Твой мир... он странный. У вас нет магии, но вы научились упаковывать уют в маленькие белые мешочки.

Полина смотрела на него. В свете синего огня Элрион не казался грозным магом. Он выглядел как студент-отличник, который завалил первую в жизни практику и теперь боится идти домой.

– Про обувь, – напомнила она. – И про то, почему ты меня призвал именно сейчас.

– Сейчас... – Элрион помрачнел. – В моем мире сейчас полдень. А у тебя?

– У меня была пара по фонетике. Около двенадцати дня, наверное. Значит, время совпадает?

– Почти. Просто магические циклы иногда сдвигаются. А призвал я тебя потому, что контракт почувствовал угрозу. На границе леса видели отряд Черных Орков. Они ищут... что-то. Или кого-то.

– И ты решил, что студентка с Васильевского острова – лучший щит от отряда орков? – Полина подняла бровь.

– Контракт решил, – поправил он. – Но теперь я вижу, что ты... другая. Тот огрызок... ты ведь не знала, что это

Синий Плод Лао? Он парализует нервную систему монстров на несколько минут. Ты интуитивно выбрала самое опасное оружие в радиусе мили.

Полина подавилась чаем.

– Я просто кинула в него мусором, Элрион. У нас в Питере это национальный спорт.

Элрион поставил кружку и серьезно посмотрел на неё.

– Может быть. Но в этом мире случайности – это тоже магия. И раз ты здесь, в своих «панталонах с медведями», значит, судьба считает, что без тебя я не выживу.

Он встал, подошел к сундуку в углу и вытащил оттуда пару сапог из мягкой серой кожи.

– Надень. Это Сапоги Скольжения. Они подстраиваются под размер ноги владельца. В них ты не будешь оставлять следов в грязи. И... Полина?

– М? – она уже натягивала на удивление удобную обувь.

– Спасибо. За чай. И за то, что не убила меня тетрадкой.

Полина замерла с сапогом в руке. Его голос прозвучал так искренне, что ей на секунду стало неловко за свой наезд.

– Ладно, Ушастый. Но не расслабляйся. Завтра я принесу доширак. Вот тогда ты поймешь, что такое настоящая высшая магия химии.

Глава 10. Исчезающая студентка и сапоги вместо кроссовок

В кабинете Лидии Марковны время возобновило свой ход так резко, что Полину едва не вырвало. Звук вернулся оглушительным щелчком, будто кто-то выдернул пробку из ушей.

– ...Кузнецова! – голос преподавательницы, до этого застывший в вакууме, теперь звенел сталью. – Я жду. Ряд «ка-ки-ку-ке-ко». Вы заснули с открытым ртом?

Полина моргнула. Она стояла посреди аудитории №402. Перед ней была Лидия Марковна с занесенным мелом, справа – Лерка, которая наконец-то запихнула таблетку «Нурофена» в рот и теперь судорожно пыталась её проглотить, глядя на подругу ошалевшими глазами.

– Ка... ки... – просипела Полина, чувствуя, как по спине стекает холодный пот. – Ку...

Её взгляд упал вниз. На ногах вместо привычных, купленных на распродаже белых кроссовок красовались те самые серо-кожаные сапоги эльфийской работы. Они выглядели настолько чужеродно в интерьере питерского вуза, что Полина инстинктивно поджала пальцы. К счастью, парта скрывала её ноги от взора преподавательницы, но Лерка, сидевшая рядом, явно что-то заметила.

– Кузнецова, присаживайтесь, – вздохнула Лидия Марковна, потирая переносицу. – Ваше произношение сегодня

напоминает звук раздавливаемого баклажана. Видимо, вчерашние «духи с запахом земли» плохо влияют на артикуляцию.

Полина рухнула на стул. Ноги в магических сапогах ощущались странно – кожа была теплой, почти живой, и, в отличие от кроссовок, они совершенно не пахли сыростью, хотя она только что стояла в них на грязной кухне иномирного эльфа.

– Ты где была? – прошипела Лерка, когда Лидия Марковна отвернулась к доске. – Ты только что... ты типа... ты просто исчезла на секунду! Будто кадр из видео вырезали!

– Глюки, Лер, – Полина схватила ручку, но рука дрожала. – Просто глюки. Давление упало.

– Давление? – Лерка опустила взгляд под парту и едва не взвизгнула. – Поля, какого хрена?! Ты в чем?! Это что, косплей на «Ведьмака»? Откуда сапоги? Ты же в кроссах заходила!

– Нашла... в сумке, – соврала Полина, чувствуя, как мир вокруг начинает казаться декорацией к плохому хоррору. – Переобулась под партой. Ноги промокли.

– Ты переобулась в кожаные сапоги ручной работы за полсекунды, не шевельнув плечами? – Лерка сощурилась. – Кузнецова, если ты начала употреблять что-то крепче ромашкового чая, поделись контактами дилера.

Остаток пары прошел как в тумане. Полина механически записывала слова, но вместо иероглифов в тетради появля-

лись схемы – как Элрион щелкает пальцами, как синее пламя пляшет в очаге. Она чувствовала себя шпионом, заброшенным в тыл врага. Или, наоборот, обычным человеком, которого забросили в тыл магии.

Когда прозвенел звонок, она первой вылетела из аудитории, едва не сбив с ног старосту.

– Эй, Поля! Ты куда?! – крикнула Лерка вслед.

– Домой! Мне нужно... мне нужно проверить одну банку из-под чипсов!

Полина неслась к выходу, стараясь не привлекать внимания к своей обуви. На улице она обнаружила еще одно свойство эльфийских сапог: они не скользили по питерскому льду. Вообще. Она бежала по замерзшим лужам Васильевского, как по беговой дорожке, чувствуя невероятную легкость.

«Значит, это правда, – думала она, влетая в метро. – Я теперь "Хранитель". Я теперь на полставки работаю в другом мире».

Дома она первым делом кинулась к банке из-под «Pringles». Огрызок синего плода Лао лежал внутри. Он не сгнил. Наоборот, он светился тусклым, едва заметным синим светом, а на стенках банки осела какая-то пыльца. Полина осторожно закрыла банку и спрятала её в самый дальний угол кухонного шкафа, за пачку гречки и банку с солью.

– Окей, – она выдохнула, глядя на свое отражение в зеркале. – Окей, Поля. План такой: ты не сходишь с ума. Ты

просто готовишься.

Она достала свой туристический рюкзак.

– Так. Зарядка для телефона – есть. Пауэрбанк – полностью заряжен. Влажные салфетки – три пачки. Шоколадные батончики. Нож. Термос.

Подумав, она добавила туда пачку «Доширака» со вкусом говядины (острой, как сама жизнь), упаковку чая с чабрецом и – на всякий случай – баллончик с перцовым газом.

– Если орк не поймет магию огрызка, он поймет магию жгучего перца в глаза, – пробормотала она.

Она легла на кровать прямо в одежде, не снимая эльфийских сапог. Сердце колотилось. Она ждала «рывка». Она ждала, когда пространство снова заискрит зеленым.

Прошел час. Два. Питер за окном окончательно погрузился в сумерки. Фонари на улице мигали, отражаясь в мокром асфальте. Полина начала дремать, когда почувствовала это – странное натяжение в районе солнечного сплетения. Будто невидимая леска, привязанная к её душе, резко натянулась.

– Началось, – успела шепнуть она, хватаясь за лямки рюкзака.

Мир схлопнулся.

* * *

Глава 11. Магический джетлаг и искусство идеального бутерброда

На этот раз приземление было мягче. Её не швырнуло на стол, а аккуратно «выгрузило» прямо на кровать Элриона. Кровать была застелена колючим шерстяным одеялом, а в комнате пахло старой бумагой и чем-то кислым.

– Полина? – раздался тихий голос из темноты.

Она подскочила, едва не заехав рюкзаком по физиономии эльфа, который сидел на полу рядом с кроватью, подсвечивая себе крошечным магическим огоньком на кончике пальца.

– Ты чего в темноте сидишь, маньяк ушастый?! – Полина прижала руку к сердцу. – У меня чуть душа в пятки не ушла!

– У нас... ночь, – виновато произнес Элрион. Он выглядел паршиво. Мантия была помята, волосы спутаны, а под глазами зияли такие синяки, будто он не спал с момента их первой встречи. – Я пытался... я пытался не призывать тебя. Честно. Я читал манускрипты, искал, как ослабить связь. Но мой источник... он начал пульсировать. Мне стало холодно. Очень холодно, Полина. И я... я просто подумал о тебе.

Полина вздохнула и слезла с кровати.

– Понятно. У нас с тобой теперь общая бессонница. В Питере сейчас семь вечера, а у вас, значит, глубокая ночь?

– Час Волка, – кивнул Элрион. – Самое время для призраков и падения магического давления.

– Ясно. Значит так, «Архимаг», – Полина решительно сбросила рюкзак на пол. – Раз уж я здесь, и раз уж я твой

«Хранитель», мы будем приводить твой «очаг» в божеский вид. У тебя на кухне мышь повесилась, причем явно от депрессии.

– У меня есть сухари и сушеное мясо ящера... – начал было Элрион.

– Забудь. Узри силу цивилизации.

Полина прошла на кухню. Элрион покорно поплелся за ней, держа свой огонек над головой, как маленькую лампочку. В синем свете магии кухня выглядела еще более запущенной.

– Так, – Полина выуживала из рюкзака сокровища. – Доска есть? Нож у меня свой.

Она достала батон, купленный в «Дикси» по дороге из универса, кусок сыра в вакуумной упаковке и нарезку сервелата. Элрион смотрел на эти манипуляции с таким выражением лица, будто она совершала священный обряд вызова древних богов.

– Это... хлеб? – он осторожно коснулся пальцем мягкого батона. – Почему он такой... белый? И такой мягкий? У нас хлеб похож на кирпич, которым можно убить тролля.

– Это магия ГОСТа, – Полина ловко нарезала бутерброды. – Пей свой чай – я видела, ты его недопил – и ешь это.

Элрион взял бутерброд двумя пальцами, словно опасаясь, что тот взорвется. Он откусил маленький кусочек, замер, и его глаза расширились.

– Полина... – он прожевал и сглотнул. – Что это за розовое

вещество? Оно... оно имеет вкус радости.

– Это колбаса «Папа может». Хотя в твоём случае – «Эльф может». Ешь давай, а то в обморок упадёшь от своего джет-лага.

Они сидели за грубым деревянным столом. Снаружи, за тонкими стенами дома, выл ветер, и слышались странные крики ночных птиц, но на кухне было на удивление уютно. Синее пламя в очаге, которое Элрион зажег по просьбе Полины, согревало комнату.

– Послушай, – Элрион отставил пустую кружку. – Завтра мы должны начать тренировки.

Полина замерла с куском сыра во рту.

– Какие ещё тренировки? Ты же сказал, я – бытовой помощник.

– Бытовой, – кивнул эльф. – Но магия в тебе копится. Если мы не дадим ей выход, ты начнёшь... искрить. Буквально. В твоём мире это может закончиться тем, что ты сожжёшь свой «ноутбук» или вызовёшь грозу в метро.

Полина вспомнила, как Лерка говорила про «вырезанный кадр».

– Окей. И чему ты меня научишь? Фаерболам? Телепортации в «Вкусно и точка»?

– Начнем с малого, – Элрион слабо улыбнулся. – Контроль над грязью. Это основа бытовой магии Хранителя.

– Над чем?!

– Над материей распада, – пояснил он. – Если ты сможешь заставить пыль собраться в комок силой мысли, ты сможешь и отразить атаку темного сгустка. Принцип один и тот же.

Полина посмотрела на слой пыли на полке.

– То есть, ты хочешь, чтобы я тренировалась, делая у тебя уборку? Ушастый, ты гений маркетинга. Но ладно. Давай свою магию. Только учти: если я случайно взорву твой дом пылевым облаком – я не виновата.

Элрион протянул ей руку. Его пальцы были длинными и очень холодными.

– Просто закрой глаза. Почувствуй, как тепло от бутерброда превращается в энергию в твоём животе. И води её к кончикам пальцев.

Полина закрыла глаза. Она почувствовала тепло. Но оно было не от колбасы. Оно исходило от руки Элриона. Тонкая, едва заметная вибрация пробежала от его ладони к её запястью. Это не было похоже на удар током. Скорее на то, как если бы по венам пустили газированную воду.

– А теперь, – прошептал он ей прямо в ухо, – представь, что эта пыль... это злые иероглифы Лидии Марковны. И ты хочешь их стереть.

Полина сосредоточилась. Она представила доску, мел и ненавистную фонетику. «Стереть, – подумала она. – Просто

убрать этот мусор».

Раздался тихий хлопок. Полина открыла глаза.

Элрион стоял, весь покрытый ровным слоем серой пыли, словно его только что окунули в мешок с мукой. Пыль, которая должна была собраться в аккуратный шарик, вместо этого детонировала и разлетелась во все стороны, идеально вычистив полку, но превратив эльфа в статую.

Элрион медленно моргнул. С его ресниц посыпалась труха.

– Полина, – тихо сказал он. – У тебя... очень сильный деструктивный потенциал.

– Я же говорила, – Полина с трудом сдерживала смех, глядя на его ошарашенное лицо. – В Питере не убирают грязь. Её либо ненавидят, либо она становится частью тебя. Кажется, я выбрала первый вариант.

Элрион чихнул, и от этого чиха по всей кухне разлетелись маленькие магические искорки.

– Ладно. На сегодня хватит. Иди спать. Моя кровать – твоя. Я устроюсь в кресле в библиотеке.

– Эй, – Полина окликнула его, когда он уже выходил. – Ты это... спасибо, что не сдал меня в их эльфийскую полицию за «нападение с применением пыли».

Элрион обернулся. В темноте его глаза казались светящимися озерами.

– Я бы никогда этого не сделал. Ты – мой Хранитель. И, кажется, первый человек, который накормил меня чем-то вкуснее сушеной ящерицы. Спокойной ночи, Полина из Питера.

Полина забралась на кровать, чувствуя, как внутри неё до сих пор что-то тихонько вибрирует. Это было странно, страшно, но... впервые за пять лет учебы на востоковедении ей было по-настоящему интересно, что принесет завтрашний день.

Глава 12. Тетрадь Хранителя и нулевая гипотеза

Вернулась она под утро – если, конечно, слово «вернулась» вообще подходило к ситуации, когда тебя выбрасывает в собственную кровать так, будто мир выплевывает слишком упрямую кость. В ушах у Полины все еще стоял голос Элриона, в пальцах – ощущение холодной магии, а во рту – привкус дешевого батона с сервелатом, который она только что скармливала эльфю в другом мире.

Пять минут она просто лежала и смотрела в потолок.

Потом перевернулась на бок, сунула руку под подушку, нашла телефон и включила заметки.

Писать длинно не получалось – глаза слепались, буквы расплывались. Она вбила только дату, время и сухое:

Ночь 2. Контракт повторился. Время у них – ночь, у нас – вечер. Сработало не на опасность, а на состояние Элриона. Он мерз, слабел, думал обо мне.

Она перечитала записанное и тихо выругалась.

Если убрать безумный контекст, выглядело так, будто она завела себе очень проблемного молодого человека на расстоянии и теперь документирует его приступы тревожной привязанности. Только молодой человек жил в другом мире, питался сушеной ящерицей и щелчком пальцев добывал воду из воздуха.

Полина села, завернулась в одеяло и продолжила писать уже в тетрадь. На первой странице, под вчерашним списком, появилась новая рубрика:

«Нулевая гипотеза: как, возможно, работает призыв».

– Не иначе как диплом пишу, – пробормотала она. – «Сравнительный анализ бытовой магии и студенческого выгорания».

Она начертила три колонки.

Триггер – опасность, истощение Элриона, эмоциональный рывок.

Физические признаки – зеленые искры, тянущее ощущение в солнечном сплетении, тишина или провал звука, краткая дезориентация.

Последствия – усталость, голод, запах чужого мира, перенос предметов, ощущение, будто тебя стирали ластиком и рисовали заново.

Под этим – еще одна строчка, уже жирнее:

Проверить: действует ли связь в обратную сторону? Чувствует ли он меня так же, как я чувствую рывок?

Вопрос зацепил сильнее, чем следовало. Полина закрыла тетрадь и прижала ее к груди. Странно было признавать, но мысль о том, что Элрион сидел один в темном доме, мерз и просто подумал о ней – а контракт отозвался, – оставляла внутри неприятное, теплое, очень человеческое эхо.

Она не хотела этого эха.

Очень не хотела.

Потому что эхо – это начало привязанности. А привязанность к человеку, который может в любой момент случайно выдернуть тебя из универса, бара, метро или собственной ванной комнаты, выглядела как крайне дурацкая жизненная стратегия.

Утро наступило безжалостно. Полина проспала ровно сорок минут, потому что мозг, видимо, решил: если хозяйка ночью кормила бутербродами магического эльфа, утром она тем более заслуживает китайскую фонетику и маршрут через две пересадки.

На паре она сидела с таким видом, будто ее предварительно прокрутили через стиральную машину на режиме «отжим». Лерка, устроившаяся рядом, протянула ей кофе без слов. Это уже становилось ритуалом.

– Ты сейчас похожа на женщину, которая тайно ведет двойную жизнь, – заметила подруга.

– Так и есть, – честно сказала Полина, потому что вранье с недосыпа давалось хуже.

– Надеюсь, вторая жизнь хотя бы оплачиваемая.

Полина вспомнила золотую монету с рогатым зайцем, лежащую дома в жестяной банке, и кивнула.

– Более-менее.

Лерка сощурилась.

– Это было подозрительно уверенное «более-менее».

Полина пожала плечами и сделала вид, что конспектирует. На самом деле она вместо даты на полях снова выводила схему: круг – это она, круг – Элрион, между ними линия. Стрелками отметила: опасность, мана, стабилизация, физический перенос. Потом пририсовала к кругу Элриона маленький чайник. Для реалистичности.

– Поль, – шепнула Лерка, наклоняясь ближе. – Ты уже второй день рисуешь на полях уши. Если это новый фетиш, просто скажи. Я не осуждаю.

Полина едва не подавилась воздухом.

– Это не фетиш.

– Ага. Значит, геометрия.

На перемене она ушла в туалет и впервые за все это время позволила себе не улыбаться, не шутить, не держать лицо. Опершись ладонями о раковину, долго смотрела на себя в зеркало.

В зеркале была девушка двадцати одного года, слегка помятая жизнью, с синяками под глазами и очень знакомым, очень земным лицом. Но внутри этого лица теперь жило знание, которое не помещалось в университетские стены.

Она реально могла исчезнуть. Реально могла погибнуть.

Реально могла – господи, да – привязаться к существу, для которого чайный пакетик был артефактом, а бутерброд – вкусом радости.

Полина закрыла глаза.

– Давай так, – тихо сказала она отражению. – Ты пока не сходишь с ума. Ты просто ведешь полевые наблюдения. Есть объект исследования: магический контракт. Есть второй объект исследования: один нервный эльф с бытовыми проблемами. Есть задача: не сдохнуть, не вылететь из универа и не влюбиться в процессе.

Она открыла глаза и мрачно добавила:

– Последний пункт, по ходу, самый нереалистичный.

Домой Полина вернулась уже в темноте. Сняла куртку, разула мокрые ботинки и сразу полезла на верхнюю полку кухонного шкафа за банкой с золотой монетой. Монета лежала там, тяжелая, неправильная, теплая на ощупь. На ребре шла незнакомая вязь, на аверсе – тот самый рогатый заяц, глядящий с выражением древнего налогового инспектора.

Полина покрутила ее в пальцах и вдруг отчетливо поняла: мир Элриона не сон именно потому, что у него есть вес. В прямом смысле. Запах. Грязь. Металл. Следы на коже. Предметы, которые нельзя объяснить.

Через полчаса она уже стояла у маленького ломбарда на Сенной и чувствовала себя персонажем криминальной хроники. Дождь моросил, небо висело низко, вывеска мигала через раз. Внутри пахло пылью, металлом и мужским пар-

фюмом, который пытался замаскировать тоску.

Лысоватый приемщик, увидев монету, сначала скривился, потом заинтересовался, потом очень внимательно на нее посмотрел и позвал второго человека из подсобки.

– Где взяли? – спросили у Полины.

– Семейная, – соврала она, не моргнув. – От деда.

– Интересная работа.

– У нас дед был интересный.

Через двадцать минут она вышла на улицу с деньгами, которых действительно хватало на аренду, еду и еще немного сверху. Сердце колотилось как бешеное. Не от радости – от того, насколько легко чужой, невозможный мир только что вторгся в ее питерскую реальность и оплатил ей коммуналку.

Дома она пересчитала купюры, спрятала их в старую коробку из-под косметики и подолгу сидела на полу, уткнувшись лбом в диван.

Значит, все это не просто опасно. Это еще и практически полезно.

Вот это ее напугало сильнее всего.

Потому что когда чудо начинает решать бытовые проблемы, то нему очень легко привыкнуть.

Поздно вечером, уже почти засыпая, Полина открыла тетрадь еще раз и дописала под схемой:

Новая проблема: второй мир может стать удобным.

И, подумав, ниже:

Самые опасные вещи в жизни всегда приходят не только

со страхом, но и с облегчением.

Едва она поставила точку, внутри привычно, неприятно натянулась невидимая нить.

Полина закрыла глаза и выдохнула сквозь зубы.

– Ладно, ушастый, – сказала она в пустую комнату. – Посмотрим, что у тебя сегодня сломалось.

Глава 13. Синдром хронического иномирянина

Если вы думаете, что две жизни – это круто и напоминает фильмы про супергероев, то вы никогда не пытались совмещать очное отделение востоковедения с должностью магического стабилизатора у депрессивного эльфа.

Полина сидела на лекции по истории стран Азии и Африки, подперев голову кулаком. Её левый глаз периодически подергивался в такт тиканью настенных часов. В рюкзаке под партой лежали те самые эльфийские сапоги – она не рискнула надевать их сегодня, решив, что одной пары «магических исчезновений» с Лерки хватит.

– Полина, ты выглядишь как персонаж из «Ходячих мертвецов», только без грима, – шепнула Лерка, пододвигая ей стаканчик с обжигающе черным кофе. – Что происходит? Ты реально вписалась в какой-то ночной клуб грузчиком?

– Хуже, – прохрипела Полина, делая глоток. – Я работаю репетитором у одного очень... очень требовательного иностранца. У него проблемы с адаптацией, фонетикой и здравым смыслом.

– А платит хоть нормально?

Полина вспомнила тяжелую золотую монету с изображением какого-то рогатого зайца, которую Элрион торжественно вручил ей перед «отправкой» обратно. Она заложила её в ломбард на Сенной за вполне приличную сумму в рублях, которой хватило бы на три месяца аренды.

– Платит по-царски, – вздохнула она. – Но сон в соцпакет не входит.

Элрион призывал её каждую ночь в течение последней недели. Из-за разницы временных поясов (или просто вредности магического контракта) для Полины это означало, что она ложится спать в два часа ночи в Питере, «просыпается» в эльфийском лесу, проводит там часов шесть, обучая эльфа базовым навыкам выживания среди колбасы и пыли, а потом снова оказывается в своей кровати за пять минут до звонка будильника.

Она была не просто Хранителем. Она была Хранителем с хроническим недосыпом.

– Сегодня тренировки не будет, – твердо заявила она Элриону, когда в очередной раз материализовалась на его кухне. – Сегодня мы будем заниматься великим человеческим искусством «ничегонеделания».

Элрион, который уже приготовил очередной свиток и ведро песка для практики «очищения материи», замер.

– Но Полина... Твой источник...

– Мой источник сейчас требует горизонтального положе-

ния и тишины! – Она по-хозяйски уселась в единственное мягкое кресло, которое Элрион по её просьбе притащил из библиотеки. – Сядь. Хватит мельтешить. Твои длинные уши создают лишнюю турбулентность в воздухе.

Элрион послушно сел на табурет. Он смотрел на неё с тем самым выражением лица, которое Полина называла «взгляд побитого спаниеля».

– Расскажи мне, – она закрыла глаза, наслаждаясь тишиной, – почему ты такой... неудачник? Ты ведь эльф. Вы должны быть идеальными. Стрелять из лука в глаз белке с трех километров, петь песни деревьям и всё такое.

Элрион долго молчал. Полина уже начала проваливаться в сон, когда услышала его тихий голос:

– Мой отец был Великим Архимагом Пятого Круга. Он мог остановить армию одним словом. А я... когда я пытаюсь создать щит, у меня получается мыльный пузырь, который лопается от любого чиха. Я провалил все экзамены в Академии Света. Этот дом – всё, что мне оставили. Они называют меня «Элрион Пустоцвет».

Полина открыла один глаз. В полумраке кухни эльф казался совсем юным и каким-то потерянным.

– Знаешь, – сказала она, – у нас в Питере тоже есть такие «Пустоцветы». Они учатся на филфаке, пишут стихи в стол и думают, что жизнь кончена, если они не стали миллионерами к двадцати годам. Но потом они находят свою... ну, не знаю, струю. Или свою Полину с колбасой.

– Твой мир очень мудр, – серьезно произнес Элрион.

– Мой мир очень циничен, ушастый. Но это помогает не сойти с ума. Ладно, давай сюда свой свиток. Покажу тебе, как «стирать» пыль, не взрывая при этом половину мебели. Но за это ты заваришь мне мой чай. Сам. Без магии. Руками.

Элрион просиял. Наблюдать за тем, как гордый эльф пытается совладать с чайным пакетиком, было лучшей АСМР-терапией в истории двух миров.

Глава 14. Ломбард, лекции и цена золота

К концу недели у Полины было ощущение, что ее жизнь кто-то разрезал по диагонали тупыми ножницами и склеил обратно как попало.

С одной стороны – пары, конспекты, кофе в бумажных стаканчиках, перепалки с Леркой, маршрут «дом – метро – универ – дом», тревожное «вам необходимо закрыть задолженность по реферату» в личном кабинете и привычная питерская тоска по солнцу. С другой – ночи, запах дыма и трав, каменные стены, синее пламя, хрупкий эльф, который смотрит на чайный пакетик так, будто это доказательство существования Бога.

Хуже всего было то, что оба мира теперь предъявляли ей требования одновременно.

Утром Полина спала на лекциях. Ночью – делала вид, что не боится, когда Элрион дает ей тряпку и с предельно серьезным лицом объясняет основы магии распада через уборку

пыли.

В пятницу после второй пары Лерка буквально за шкуру потащила ее в кофейню через дорогу от университета.

– Сядь, – сказала подруга таким тоном, каким обычно командуют кошкам, детям и людям в предобморочном состоянии. – И не смей говорить «со мной всё нормально». Со мной это не работает.

Полина села.

– Со мной всё...

– Попробуй еще раз, и я волюю тебе капучино в нос.

Кофейня была набита студентами, пахла молотыми зернами и выпечкой. Снаружи стекло заливал дождь, внутри играла какая-то бездушная инди-музыка. Нормальный, понятный мир. Настолько нормальный, что Полине захотелось расплакаться прямо в стакан.

Лерка сидела напротив, подперев подбородок ладонью, и смотрела с той беспощадной, почти сестринской внимательностью, от которой невозможно отшутиться.

– Ты худеешь, – сказала она. – Ты дергаешься от каждого звонка. Ты два раза за неделю исчезала буквально у меня на глазах. Да, на секунду. Да, никто больше, кажется, не заметил, но я заметила. У тебя сапоги появились из воздуха. Ты пахнешь то дымом, то лесом, то навозом. И ты врешь так, будто сама уже устала от собственного вранья. Что происходит?

Полина уставилась в пенку на кофе. В ней не было спасе-

ния.

– Я не могу сказать.

– Потому что это незаконно или потому что мне не поверят?

Вопрос попал точно под дых.

Полина медленно подняла глаза.

– Второе.

Лерка молчала секунд пять. Потом кивнула.

– Хорошо. Тогда я не буду требовать объяснений. Но будет договор.

– Какой еще договор?

– Ты хотя бы один раз в день отвечаешь мне, что жива. Любым словом. Хоть стикером с гробом, хоть точкой. Если пропадаешь больше чем на двенадцать часов – я взламываю твою дверь через соседа Серегу, вызываю полицию и твою маму одновременно.

– Это не договор, это террор.

– Зато действенный.

Полина вдруг улыбнулась – слабо, через силу, но впервые по-настоящему.

– Ладно.

– И еще, – продолжила Лерка. – Если тебе нужны деньги, еда, алиби, конспекты, зачетка, подделка присутствия на семинаре, моральная поддержка, физическая поддержка, бутылка вина или лопата – говоришь сразу.

– Зачем лопата?

– Не знаю, вдруг ты реально кого-то закопала. Я пока рассматриваю все версии.

Полина фыркнула, и напряжение в груди на секунду отпустило.

Потом она полезла в сумку и достала конверт с деньгами из ломбарда – не весь, только часть. Лерка уставилась на купюры.

– Ты ограбила ювелирку?

– Нет. Просто... продала одну вещь.

– Какую?

– Семейную.

– Твою семейную вещь еще позавчера не существовало, – сухо заметила Лерка.

Полина замерла.

– Я это по лицу вижу, – невозмутимо сказала подруга. – У тебя сейчас выражение «срочно придумать правдоподобную ложь, но сил нет». Расслабься. Деньги – это не преступление. Я рада, что у тебя хотя бы с этим полегче. Но, Поль... – она наклонилась ближе. – Не позволяй никому покупать тебя удобством. Ни мужику, ни работе, ни своей тайне.

Слова были сказаны почти случайно, но Полина почувствовала, как они оседают внутри. Тяжело. Правильно.

Не позволяй покупать себя удобством.

Вечером, вернувшись домой, она переписала эту фразу в тетрадь Хранителя на отдельную страницу. И впервые честно записала рядом:

Мне нравится быть нужной там.

Чуть ниже:

Мне нравится, что там все проще: опасность – значит опасность, забота – значит забота, голод – значит еда, страх – значит действие.

И еще ниже, уже после длинной паузы:

Это и есть ловушка.

Когда ее снова дернуло ночью, Полина успела только схватить рюкзак и на автомате отправить Лерке смайлик с чайником.

Уже в рывке, когда мир вокруг растягивался в полосы, она успела подумать, что никогда еще эмодзи не служили настолько буквальной системой оповещения о межмировой командировке.

Глава 15. Слезы рептилии и первый осознанный вызов

Через три дня Полина сдавала тот самый зачет по фонетике. Лидия Марковна долго слушала её «ка-ки-ку-ке-ко», подозрительно щурилась, но в итоге вывела в зачетке «Зачтено».

– Ваша артикуляция стала... чище, Кузнецова, – заметила она, поправляя очки. – Словно вы практикуетесь в языке, который не предназначен для человеческих связок. Продолжайте в том же духе.

Полина вышла из аудитории, чувствуя себя победителем. Ей хотелось петь, танцевать и съесть огромную шаверму.

Она даже написала Лерке: «Я выжила! Встречаемся в "Ено-те" вечером, будем праздновать».

Но у мироздания были другие планы.

Приступ случился прямо в метро, на перегоне между «Невским проспектом» и «Гостиным двором». Рывок был такой силы, что Полина едва не выронила зачетку. Она успела только вцепиться в поручень, когда мир вокруг замерцал.

«Только не сейчас! – взмолилась она. – Я же только что получила зачет!»

Она зажмурилась, ожидая привычного удара о каменный пол или кровать. Но вместо этого она почувствовала под подошвами сапог мягкую пыль и жаркое, сухое солнце.

– Полина! Слава Свету, ты здесь! – Элрион подскочил к ней, едва она материализовалась.

Она стояла посреди широкой трактовой дороги, окруженной каменистыми холмами. Вокруг не было ни души, если не считать огромного, размером с грузовик, существа, которое сидело прямо посередине пути.

Это был дракон. Но не тот величественный монстр из фэнтези-фильмов. Этот выглядел как очень старая, облезлая ящерица с помятыми крыльями и слезящимися глазами. Дракон сидел, обхватив лапами свой хвост, и издавал звуки, подозрительно похожие на всхлипывания маленького ребенка.

– Что это?! – Полина вытаращилась на монстра. – Элрион, почему он... плачет?

– Я не знаю! – Эльф выглядел совершенно растерянным.
– Я шел в город за ингредиентами, а он просто приземлился передо мной и начал реветь. Он перегородил дорогу! Я пытался использовать заклинание «Сна», но он просто начал плакать громче. Магия на него не действует, кажется, у него магический иммунитет на почве депрессии!

Полина посмотрела на дракона. Тот поднял на неё огромный, размером с тарелку, глаз, в котором отражалось вселенское горе. Из глаза выкатилась слеза величиной с арбуз и с глухим шлепком упала в дорожную пыль.

– Отойди, Архимаг, – вздохнула Полина, поправляя сумку. – Тут нужна не магия, тут нужна психология.

Она осторожно подошла к морде дракона. Пахло от него старой кожей и почему-то... жженой резиной.

– Эй, большой парень, – тихо сказала она. – Ты чего? Кто тебя обидел? Орки на хвост наступили?

Дракон издал долгий, вибрирующий вздох, от которого у Полины заложило уши. Он медленно приоткрыл пасть, но не для того, чтобы испепелить её пламенем. Из пасти выпал помятый, обгоревший предмет.

Полина присмотрелась. Это был рыцарский шлем. Очень старый и, судя по вмятинам, абсолютно несъедобный.

– Он... он подавился? – спросил Элрион, выглядывая из-за плеча Полины.

– Нет, – Полина покачала головой. – Смотри, он пытается что-то сказать.

Дракон издал серию коротких звуков. Благодаря контракту Полина не понимала его слов (драконы не входили в «языковой пакет» эльфа), но она чувствовала эмоцию. Это была тоска по кому-то, кто раньше носил этот шлем.

– Это его друг, – догадалась она. – Рыцарь, который с ним сражался или... я не знаю, кормил его. И теперь рыцаря нет, а шлем остался. Он просто скучает, Элрион.

Эльф замер.

– Скучает? Но это же дракон. Это машина для разрушения...

– Все мы – машины для чего-то, пока не остаемся одни в пустыне со шлемом в зубах, – отрезала Полина.

Она подошла еще ближе и, зажмурившись от страха, положила руку на горячую чешую драконьего носа. Чешуя была шершавой и пульсировала теплом.

– Тише, тише. Всё хорошо. Хочешь... хочешь шоколадку? У меня есть «Сникерс». Он, конечно, мелкий для тебя, но сахар поднимает эндорфины.

Она выудила из сумки батончик, развернула его и протянула на ладони. Дракон осторожно, почти не дыша, слизнул шоколадку крошечным (по его меркам) кончиком языка. Его глаза на секунду перестали слезиться. Он издал звук, похожий на мурлыканье трактора, и медленно, неуклюже поднялся на лапы.

Взмахнув огромными крыльями, поднявшими тучу пыли,

дракон тяжело оторвался от земли и полетел в сторону гор, все еще прижимая к груди помятый шлем.

На дороге стало тихо. Элрион смотрел вслед улетающему монстру, открыв рот.

– Ты... ты просто дала ему сладкую палку из своего мира, и он улетел? – прошептал он.

– Я проявила эмпатию, Элрион. Попробуй как-нибудь на досуге, – Полина отряхнула джинсы от пыли. – И вообще, какого черта ты меня призвал на трассу? Я была в метро! У меня свидание в «Хромом Еноте»!

Элрион покраснел. На этот раз не просто кончики ушей, а всё лицо.

– Я... – он отвёл взгляд. – Честно говоря, когда он перегородил дорогу, я испугался. А потом понял, что не хочу просто снова ждать беды и надеяться, что тебя сорвёт сюда само. Я держал тебя в голове специально. Не идеально. Скорее как утопающий держится за бортик. Но, кажется, связь уже тогда слышала не только панику.

Он замолчал, ковыряя носком сапога пыль.

– Чтобы я увидела что? – Полина смягчилась.

– Что я становлюсь храбрее, когда знаю, что могу не только молиться на контракт, но и позвать тебя по-настоящему. Даже если выйдет криво. Даже если ты просто будешь ругаться и кидаться едой. С тобой этот мир кажется... менее страшным.

Полина посмотрела на него – взъерошенного, неловкого

эльфа, который только что назвал её своим главным стимулом к храбрости. Внутри неё что-то коротко и болезненно кольнуло. Совсем не так, как при магическом рывке.

– Ладно, герой, – буркнула она, пряча улыбку. – Веди в свой город. Посмотрим, что у вас там продают, кроме сушеных ящериц. Но за «Сникерс» ты мне должен. Две золотые монеты. Нет, три. Инфляция, сам понимаешь.

Глава 16. Шлем, который нельзя выбросить

После того как дракон, ворча и всхлипывая, улетел в сторону гор, дорога еще долго стояла пустой. Пыль медленно оседала, трава снова выпрямлялась, а Полина все не могла отвести взгляд от неба, в котором черная, тяжелая туша становилась все меньше и меньше, пока наконец не превратилась в крошечную точку.

– Ну и денек, – сказала она наконец. – Сначала метро, потом зачет, теперь дракон в трауре. Что дальше? Плачущий тролль с ипотекой?

Элрион не ответил.

Полина обернулась. Эльф стоял, прижав к груди сумку с ингредиентами, и смотрел не в ту сторону, куда улетел дракон, а себе под ноги – на вмятину в пыли, оставшуюся от выпавшего шлема.

– Эй, – она подошла ближе. – Ты чего?

Он поднял голову не сразу.

– Я думал, драконы не умеют скучать, – тихо сказал он.

– Нас так учили. Что разумные чудовища чувствуют только голод, ярость и инстинкт. Что жалость к ним – слабость. Что если существо велико и опасно, значит, у него нет права на человеческие чувства.

– Ну да, – хмыкнула Полина. – У нас про некоторых преподавателей тоже так говорят.

Он даже не улыбнулся.

– Я привык верить тому, что удобно Академии. Так проще. Если мир делится на чистое и нечистое, на светлое и темное, тебе не нужно сомневаться. А сегодня... – Элрион провел рукой по волосам. – Сегодня ты за минуту разрушила у меня в голове целую лекцию по теории магических видов.

– Я дала рептилии шоколадку.

– Нет. Ты увидела в нем не угрозу, а утрату.

Полина пожала плечами, словно это было пустяком, хотя внутри что-то неприятно шевельнулось. Она ненавидела, когда ее поступки выглядели мудрее, чем были на самом деле. Это накладывало ответственность.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.